

ПОРУЧЕНО РАЗОБРАТЬСЯ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО КОНТРОЛЮ НАД КОНТРАГЕНТАМИ ГОСКОМПАНИЙ

30 декабря 2011 г. Правительство РФ посредством поручения обязало энергетические и иные госкомпании и госбанки раскрыть бенефициаров своих контрагентов. При этом было указано на необходимость расторжения договоров с контрагентами, отказавшими в предоставлении соответствующей информации.

Это поручение вызвало неоднозначную реакцию юридического сообщества. Мы обратились к нашим экспертам с просьбой прокомментировать данное Правительством поручение.

Вадим Белов,

профессор кафедры
коммерческого права
и основ правоведения
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Такие темы возникают после каждого совещания у премьера или вице-премьера. Пресловутое «ручное управление страной» как раз и выражается в подобных поручениях. Но указания «раскрыть бенефициаров своих контрагентов» и «расторгнуть контракты с контрагентами, не пожелавшими раскрыть информацию о себе, а новые контракты заключать только при раскрытии бенефициаров» сносят, конечно, все геркулесовы столпы.

То, что они незаконны, очевидно любому мало-мальски образованному юристу: нет у нас такого источника права, как «поручение премьера»! То, что ни госкомпании не обязаны такую информацию собирать, ни контрагенты госкомпаний не обязаны ее давать, — очевидно и подавно. Как госкомпании будут выполнять поручение разорвать контракты, мне как юристу непонятно, поскольку контракт на то и контракт, что разрывается он либо по соглашению сторон, либо по решению суда. Чтобы разорвать его в одностороннем порядке, нужны обстоятельства, предусмотренные законом, и только ЗАКОНОМ. А поручение премьера при всем к нему уважении — всё же не закон.

Всё сказанное в равной степени касается той части поручения, где госкомпаниям предписывается заключать новые контракты только при условии раскрытия соответствующей информации контрагентами. Это призыв к прямому нарушению антимонопольного законодательства — навязыванию контрагентам условий, не относящихся непосредственно к предмету договоров.

ПОРУЧЕНО РАЗОБРАТЬСЯ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО КОНТРОЛЮ НАД КОНТРАГЕНТАМИ ГОСКОМПАНИЙ

30 декабря 2011 г. Правительство РФ посредством поручения обязало энергетические и иные госкомпании и госбанки раскрыть бенефициаров своих контрагентов. При этом было указано на необходимость расторжения договоров с контрагентами, отказавшими в предоставлении соответствующей информации.

Это поручение вызвало неоднозначную реакцию юридического сообщества. Мы обратились к нашим экспертам с просьбой прокомментировать данное Правительством поручение.

Вадим Белов,

профессор кафедры
коммерческого права
и основ правоведения
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Такие темы возникают после каждого совещания у премьера или вице-премьера. Пресловутое «ручное управление страной» как раз и выражается в подобных поручениях. Но указания «раскрыть бенефициаров своих контрагентов» и «расторгнуть контракты с контрагентами, не пожелавшими раскрыть информацию о себе, а новые контракты заключать только при раскрытии бенефициаров» сносят, конечно, все геркулесовы столпы.

То, что они незаконны, очевидно любому мало-мальски образованному юристу: нет у нас такого источника права, как «поручение премьера»! То, что ни госкомпании не обязаны такую информацию собирать, ни контрагенты госкомпаний не обязаны ее давать, — очевидно и подавно. Как госкомпании будут выполнять поручение разорвать контракты, мне как юристу непонятно, поскольку контракт на то и контракт, что разрывается он либо по соглашению сторон, либо по решению суда. Чтобы разорвать его в одностороннем порядке, нужны обстоятельства, предусмотренные законом, и только ЗАКОНОМ. А поручение премьера при всем к нему уважении — всё же не закон.

Всё сказанное в равной степени касается той части поручения, где госкомпаниям предписывается заключать новые контракты только при условии раскрытия соответствующей информации контрагентами. Это призыв к прямому нарушению антимонопольного законодательства — навязыванию контрагентам условий, не относящихся непосредственно к предмету договоров.

Если суммировать изложенное, то картина получается довольно безрадостная. Российское «правовое» государство становится все правее и правее. Да где же это, извините, видано, чтобы премьер-министр, глава исполнительной власти, — той самой, которая призвана ИСПОЛНЯТЬ законы, — призывал бы не к их исполнению, а к их нарушению?! В любой стране мира после этого подают в отставку, а у нас рассуждают о некой «неоднозначной реакции»! Она как раз вполне однозначная и понятная.

Александр Сергеев,

заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета СПбГУ экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, советник юридической фирмы *DLA Piper*

— Думаю, что меры по раскрытию бенефициарных владельцев контрагентов госкомпаний смогут в какой-то мере помочь в борьбе с коррупцией. Жаль только, что они больше похожи на предвыборный пиар, чем на юридически выверенный шаг в этом направлении. Для юриста очевидно, что эти меры, не говоря уже о расторжении контрактов с контрагентами, не пожелавшими раскрыть информацию о себе, не могут быть реализованы без серьезных нарушений действующего законодательства.

На мой взгляд, необходимо постепенно, но неуклонно вводить в различные отрасли российского законодательства согласованный комплекс мер, обеспечивающих прозрачность собственности. Конечно, одним только этим проблему коррупции не решить, поскольку тут по меньшей мере необходимы политическая воля, серьезная ревизия государственных функций и независимый суд. Но названные меры по крайней мере затруднят реализацию коррупционных схем и помогут решить некоторые другие задачи, в частности доведение ответственности до конечных владельцев бизнеса, которые в настоящее время с легкостью уходят от всякой личной юридической ответственности.

Впрочем, больших надежд на перемены в этом направлении в законодательстве и проводимой политике я не питаю. Последние годы приучили нас к тому, что реальная политика расходится с теми правильными словами, которые произносятся с высоких трибун.

Александр Хренов,

партнер юридической компании «Юков, Хренов и Партнеры»

— Первым чувством, которое возникло после ознакомления с текстом поручений Председателя Правительства, было ощущение его авральности и непроработанности.

Как иначе можно воспринимать, например, установление в п. 1 срока выполнения требования о представлении данных о доходах и обязательствах имущественного характера руководящего состава в отношении адресатов поручения до 30 декабря 2011 г.? И это притом, что сопроводительное письмо Аппарата Правительства к поручению Председателя Правительства датировано тем же 30 декабря. В результате после новогодних праздников аврал при подготовке поручения вызвал аврал в целых отраслях, где в процессе его судорожного исполнения был задействован неимоверный ресурс многочисленных служб и подразделений госкомпаний и их контрагентов.

Уверен, что выражу не только свое мнение в отношении «эффекта» выхода в свет такого рода распорядительных документов, если скажу: налицо подрыв авторитета правительственного аппарата, влекущий проблемы с повышением конкурентоспособности хозяйствующих субъектов с участием государственного капитала.

Что касается правовой оценки содержащихся в поручении требований о раскрытии структуры собственности контрагентов госкомпаний, то предлагаемые «санкции» за непредставление такого рода сведений не выдерживают никакой критики. Государство как собственник, конечно, может устанавливать критерии отбора контрагентов для компаний с госучастием. Вопрос лишь в том, являются ли вырабатываемые критерии необходимым и достаточным условием для эффективного взаимодействия этих самых госкомпаний со своими контрагентами. Но вот что касается расторжения действующих контрактов с теми контрагентами, которые в установленный срок не представили данных о структуре собственности и своих бенефициарах, то встает вопрос о том, как такого рода требование вообще могло пройти визу Правового департамента Правительства. Ведь ни для кого не секрет, что вопросы расторжения гражданско-правовых контрактов лежат исключительно в области гражданского законодательства. Гражданский кодекс никто не отменял, и суды вполне аргументированно встанут на защиту нарушенных прав контрагентов в случае прекращения с ними договорных отношений на основании требований поручения Председателя Правительства.

Таким образом, приходится констатировать, что и формальная, и содержательная части поручения вызывают поток критических замечаний заслуженно и не соответствуют благим целям, которым изначально было призвано служить обсуждаемое поручение.

Виктория Бурковская,

руководитель уголовно-правовой практики Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», доктор юридических наук

— Срок, обозначенный для поручения такого рода, на мой взгляд, довольно сжатый. Госкомпании взаимодействуют с большим количеством контрагентов, поэтому представить такой объем информации к первому апреля будет достаточно проблематично.

Также довольно спорным видится предложение в одностороннем порядке приостановить контракты с контрагентами, которые не представят запрашиваемую информацию. Так как в контрактах едва ли предусмотрено такое основание для приостановления, как нераскрытие информации о бенефициарах, это может повлечь за собой как ухудшение работы госкомпаний, так и увеличение количества исков в их адрес.

Обязанность собирать информацию по контрагентам так или иначе уже сформирована сложившейся судебной практикой по налоговым спорам. Зачастую компаниям приходится самостоятельно доказывать налоговым органам, что их контрагент — благонадежная компания, а не фирма-однодневка. Конечно, существует ряд сложностей, связанных со статусом госкомпаний и особенностями их регулирования. Но сам по себе подход обязывать госкорпорации

собирать информацию о своих контрагентах укладывается в общую канву развития нашей законодательной практики.

Данная норма широко используется и международными компаниями. Например, если российская фирма заключает договор на облуживание американской компании, то в соответствии с американским законодательством она обязана представить целый ряд сведений. Существуют международные стандарты заключения договоров с западными компаниями и для отечественных компаний, ориентированных на зарубежные рынки. Не соблюдать их — значит терять конкурентоспособность.

Григорий Чернышов,

партнер, руководитель практики разрешения споров юридической фирмы *White & Case*

— Думаю, что ответ на заданный вопрос можно дать в разных плоскостях.

Во-первых, как известно, субъект гражданского права может участвовать в обороте либо непосредственно, либо через учрежденные и контролируемые им организации. Но есть риск того, что эти учрежденные компании могут играть в свою игру в ущерб интересам собственника капитала. Очевидно, что каждый субъект гражданского оборота заинтересован в том, чтобы личность контрагента была ему известна. Ведь всегда нужно знать, с кем имеешь дело. А учрежденные собственником компании могут либо намеренно скрывать личность контрагента, либо маскировать за юридической личностью контрагента интерес менеджмента компании. Поэтому совершенно логично и понятно желание публичного собственника знать, с кем имеют дело учрежденные и контролируемые им юридические лица. Ведь частный собственник всегда знает или всегда может узнать, с кем имеют дело учрежденные им компании, почему же публичный собственник должен находиться в неведении по этому поводу? С этой точки зрения желание государства как собственника капитала госкомпаний знать, с кем в реальности эти госкомпании имеют дело, вполне справедливо, оправданно и является обычным желанием рачительного хозяина. Никакого нарушения закона здесь нет, поскольку каждый субъект гражданского оборота (а государство здесь не является исключением) вправе сам определять, на каких условиях он или учрежденные им компании будут вступать в гражданские правоотношения.

Во-вторых, о банальном воровстве менеджмента госкомпаний через учрежденные им частные компании уже написано и сказано столько, что добавить к этому уже вряд ли что-то можно.

Однако, в-третьих, нужно обратить внимание на следующий аспект проблемы: наверняка далеко не все заключенные госкомпаниями договоры предусматривают такое основание для расторжения, как нераскрытие бенефициаров контрагента, поэтому есть опасность нарушить закон, расторгая договоры либо вовсе без оснований, либо по основаниям, созданным искусственно. И то и другое плохо, так как пострадает гражданский оборот.

С другой стороны, раскрытие бенефициаров — это правило хорошего тона в бизнесе. Едва ли хоть одна более или менее серьезная сделка заключается «втемную». Поэтому нежелание контрагента раскрыть своих бенефициаров

в большинстве случаев будет проявлением недобросовестности участников оборота. Но далеко не все бенефициары хотят, чтобы информация о них стала широко известна (и связано это далеко не всегда с желанием уйти таким образом от соблюдения закона), поэтому ее раскрытие и доведение до сведения государственных органов может оказаться для контрагентов серьезной проблемой. Ведь вряд ли у них будет уверенность, что эти данные останутся в тайне, а не будут использоваться многочисленными чиновниками в своих интересах. А расторжение договора приведет к возникновению убытков, которых бы не было, если бы требование о раскрытии бенефициаров было известно до момента заключения договора, поскольку в этом случае такой договор попросту не был бы заключен. Вообще всегда плохо, когда правила игры меняются после ее начала. Справедливее было бы распространить требование о раскрытии бенефициаров только на новые договоры, заранее поставив об этом в известность участников оборота.

Также хотелось бы, чтобы реализовывалась эта в целом правильная идея нормально. Сейчас же приходится слышать, что госкомпании требуют паспортные данные, место жительства, ИНН бенефициаров, что является нарушением законодательства о защите персональных данных. Наверное, лучше было бы подойти к раскрытию бенефициаров менее формально.

Мне даже рассказывали, что госкомпания потребовала раскрыть бенефициаров Росимущества! Я уже не говорю о том, что одни и те же сведения сейчас требуют госкомпании и их дочерние общества, что явно излишне. Учитывая количество госкомпаний, некоторые предприятия вынуждены выделять значительное количество сотрудников только для ответов на многочисленные запросы.

Завершая, подведем итог: если реализация предложенной меры обойдется без нарушения закона при расторжении уже заключенных договоров, то едва ли можно найти какие-нибудь минусы предложения о раскрытии бенефициаров, поскольку любой рачительный хозяин хочет знать, с кем он имеет дело.

Илья Ищук,

адвокат, партнер Адвокатского бюро «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры», кандидат юридических наук

— Вообще, требования по раскрытию подобной информации вполне соответствуют международным стандартам борьбы с конфликтом интересов, причем не только в компаниях с государственным участием, но и в полностью частных компаниях. В том или ином виде подобная практика существует и в США, и в странах Европы. Поэтому в самой инициативе я не вижу ничего противозаконного или не соответствующего интересам развития бизнеса.

В то же время, как и в некоторых других случаях, вызывает сомнения способ, которым эта инициатива воплощена в жизнь в России. Представляется, что система раскрытия такой информации должна быть максимально прозрачна и понятна тем субъектам, на которых распространяются ее требования. При этом, полагаю, сам порядок должен быть детально урегулирован и не должен противоречить сложившейся деловой практике и нормам гражданского законодательства.

В рассматриваемом же случае налицо как минимум одно противоречие, наличие которого отмечают многие эксперты: неясно, по каким гражданско-правовым основаниям госкомпания должны расторгать уже действующие контракты с теми, кто не раскрыл своих бенефициаров. Какие бы юридические конструкции ни придумывались сейчас, уже по факту вступления в силу распоряжения Правительства очевидно, что действующее законодательство прямого ответа на этот вопрос не содержит. Такая ситуация, во-первых, является стимулом для исключительно формального исполнения требований по раскрытию информации, во-вторых, может повлечь за собой возникновение значительного количества конфликтов, потенциально трансформирующихся в судебные споры.

Кроме того, вызывает сомнение и достаточная эффективность такой меры. Она будет действительна лишь в отношении тех случаев, когда конфликт интересов очевиден. Однако, вероятнее всего, таких случаев немного. Реальные бенефициары зачастую могут скрываться за формальными владельцами бизнеса, между которыми отсутствует очевидная связь.

Таким образом, я опасаясь, что хорошая и в целом правильная идея может не дать того эффекта, которого от нее ожидают.

Евгения Зусман,

старший юрист-аналитик
практики ГЧП и инфраструктуры
юридической фирмы «Вегас-Лекс»

— Предновогоднее поручение премьер-министра внесло суматоху в работу госкомпаний. Большинство из них намерено исполнить поручение премьера буквально, предпринимая меры от массовых рассылок требований о предоставлении информации о конечных бенефициарах контрагентам, внесения корректив в закупочные регламенты, обращений за разъяснениями в профильные министерства и вплоть до идеи приравнять поручение к форс-мажору.

Но вызывает вопросы даже не столько техническая сторона поручения и сроки, сколько само его содержание. На наш взгляд, внедряемые меры по борьбе с коррупцией нелегитимны. Выполнение поручения может повлечь нарушения законодательства о защите персональных данных, о защите конкуренции и даже ГК РФ, не предусматривающего возможность одностороннего расторжения договора без решения суда и без существенного нарушения договора другой стороной (ст. 450 ГК РФ). При этом в ближайшее время под угрозу могут быть поставлены многие заключенные с госкомпаниями контракты. Выход из сложившейся ситуации — как минимум законодательное закрепление адекватных механизмов повышения прозрачности деятельности госкомпаний, включая определение четких критериев раскрытия информации, определение круга лиц, на которых распространяются эти меры, и т.п. В противном случае при попытке расторжения договоров по инициативе госкомпаний высок риск судебных разбирательств вплоть до коллективных исков.

Сергей Крохалев,

юрист московского офиса международной юридической фирмы *Baker & McKenzie*, кандидат юридических наук

— В связи с обсуждаемым поручением Правительства РФ можно отметить следующее. Прежде всего, ясно, что стремление государства сделать более прозрачной структуру собственности российского бизнеса будет последовательно претворяться в жизнь. Давление со стороны государства в этом направлении, скорее всего, будет только усиливаться. В частности, в данный момент активно обсуждается включение в проект изменений в Гражданский кодекс норм, направленных на раскрытие бенефициаров офшорных компаний. Эту тенденцию юристам в любом случае следует иметь в виду при структурировании бизнес-проектов.

Поскольку поручение Правительства РФ адресовано лишь обозначенным в нем государственным органам и компаниям, с правовой точки зрения оно не накладывает каких-либо обязательств на их контрагентов. Поэтому если обязательство представлять информацию о всей цепочке собственников, включая бенефициаров, не было предусмотрено договором, заключенным между соответствующей компанией и ее контрагентом, то невыполнение контрагентом требования о представлении информации о своих собственниках и бенефициарах не будет являться нарушением закона или договора.

На практике многие контрагенты, вероятнее всего, добровольно пойдут на представление запрошенной информации, опасаясь, что с ними прекратят сотрудничество в будущем (не будут размещать заказы на их услуги и пр.). Конечно, это не касается услуг, которые компании-монополисты обязаны оказывать всем обратившимся к ним лицам, а судя по публикациям в прессе, Правительство уже разъяснило, что требование о раскрытии собственников и бенефициаров не касается клиентов компаний.

Надежда Быковцева,

юрист адвокатского бюро «Линия права»

— Распоряжение Правительства формально противоречит целому ряду правовых норм.

Во-первых, у госкомпаний нет законных оснований требовать раскрытия информации о бенефициарах от своих контрагентов. Эта информация может быть представлена только в добровольном порядке. Соответственно, какие-либо санкции за ее непредставление применяться не могут.

Во-вторых, с точки зрения гражданского регулирования расторжение договора в одностороннем порядке допускается лишь в ограниченном числе случаев (например, при существенном нарушении договора либо существенном изменении обстоятельств). Если договор не содержит положений о возможности одностороннего отказа от его исполнения, то его расторжение возможно только с согласия контрагента. Поэтому даже если госкомпании предпримут попытки прекратить договорные отношения с лицами, не пожелавшими раскрыть своих бенефициаров, последние имеют все шансы на удовлетворение требований о принудительном исполнении договора и взыскании убытков в судебном порядке.

В случаях, когда госкомпании обязаны заключить договор (например, при выставлении публичной оферты), требование о раскрытии информации о бене-

фициарах как условие заключения договора также не будет работать. Более того, учитывая, что существенная часть госкомпаний — монополисты, заключение договора на таких условиях может быть расценено как злоупотребление доминирующим положением.

Поэтому пока требования по раскрытию бенефициаров не будут закреплены на уровне закона, их исполнение возможно только при условии достижения договоренности с контрагентами госкомпаний.

Филипп Дубовик,

старший юрист
компания *Ernst & Young*

— Выпущенные 28 декабря 2011 г. поручения Председателя Правительства РФ государственным корпорациям, акционерным обществам с государственным участием и органам исполнительной власти о контроле за представлением информации об акционерах и конечных бенефициарах вызвали оживленную дискуссию среди предпринимателей и юридического сообщества. Большинство склоняется к тому, что они «носят политический характер», «противоречат федеральному законодательству», «составлены в правовой форме, не предусмотренной законом», и т.п.

Оставляя за рамками возможный политический контекст поручений и эмоциональную реакцию, обратим внимание на их юридическую сторону.

Почему поручения правомерны по форме?

Многие юристы критиковали форму данного акта — «поручение». Во многом это объясняется тем, что с ней редко встречаются на практике. Кроме того, с университетских времен юристам известно, что Правительство издает правовые акты в форме постановлений и распоряжений. Между тем даже в самом ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» есть целый ряд упоминаний о поручениях, которые выдаются Председателем Правительства и его заместителями. Кроме того, в Российской Федерации действует специальный порядок исполнения таких поручений органами государственной власти (см., напр., Постановление Правительства от 01.06.2004 № 260). Поручения упоминаются в типовых регламентах внутренней организации федеральных органов власти и т.п. Таким образом, утверждать, что такая форма правового акта не предусмотрена российским законодательством, неверно.

Правомерны ли исследуемые поручения по содержанию?

Для ответа на этот вопрос следует сначала разобраться с тем, насколько обсуждаемый акт обязателен для его адресатов. Как следует из текста поручения, оно адресовано органам федеральной исполнительной власти и ряду организаций. Что касается органов исполнительной власти, то для них оно обязательно по уже указанным выше основаниям.

Кроме них поручение адресовано организациям с государственным участием, в первую очередь акционерным обществам. В этой части поручение содержит требование о представлении определенных документов и о внесении

изменений во внутренние документы организаций. В зависимости от общества полномочия акционера-государства могут реализовываться отдельными органами исполнительной власти (Росимущество, подведомственное Минэкономразвития, адресат поручения), Правительством РФ и даже иногда Председателем Правительства РФ. Таким образом, в любом случае, непосредственно или опосредованно (в частности, через то же Росимущество, для которого поручения обязательны), Председатель Правительства РФ может реализовать соответствующие полномочия акционера общества.

Применительно к акционерным обществам законом (ст. 89—91 ФЗ «Об акционерных обществах») предусмотрено, что акционер имеет право требовать доступа к документам общества, которые оно обязано хранить. В числе таких документов «иные документы... предусмотренные правовыми актами Российской Федерации». Являясь, как было указано, соответствующим правовым актом, поручение Председателя Правительства РФ как раз юридически предусматривает и соответствующие документы, и обязанность акционерных обществ, прямо в нем указанных, представить акционеру (государству) такую информацию. Соответственно, в этой части указанные требования могут рассматриваться как правомерные.

При этом, обсуждая обязанности, устанавливаемые поручением, отметим, что оно как таковое не требует от кого бы то ни было нарушать закон при получении каких-либо документов либо информации. Толкование акта прежде всего должно исходить из того, что требования, содержащиеся в нем, являются правомерными, и, только если такое толкование невозможно, мы должны заключить, что акт содержит неправомерные требования. К примеру, фразы типа «обеспечить безусловное раскрытие контрагентами... информации» не должны толковаться как требующие нарушать закон, но должны — как требующие принять все возможные меры в рамках закона (например, прийти к соглашению с другой стороной / всеми заинтересованными лицами о таком представлении, выплатить вознаграждение за представляемую информацию и т.п.).

Фактически поручение указывает лишь на то, что обязанный должен не получить такую информацию, а «обеспечить» такое получение, совершив любые законные и необходимые для этого действия.

Что касается требований о внесении изменений во внутренние акты общества, акционеры (тем более единственные) соответствующие изменения юридически принимать вправе и, в крайнем случае, вправе принять отдельный внутренний акт общества. Соответственно, в этом отношении поручение Председателя Правительства РФ также в полной мере соответствует требованиям законодательства и является обязательным для выполнения как органами исполнительной власти, которые могут в полной мере соблюсти процедуру реализации таких полномочий акционера, так и компаниями, мажоритарным или единственным акционером которых выступает Российская Федерация.

Вместе с тем, несмотря на законность указанного поручения, важно, чтобы его исполнение органами власти и соответствующими организациями также было в полной мере законным и правомерным.

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

Мерген Дораев,

партнер юридической фирмы
«Егоров, Кряжевских и партнеры»,
Москва

<http://mergen.zakon.ru/>

— Подобная процедура, известная под названием *KYC*, или *Know Your Client*, давно применяется западными консультантами и финансовыми институтами для борьбы с отмыванием преступных доходов, финансированием террористической деятельности и т.д. Но важно понимать, что речь должна идти о методологически продуманной системе с процедурой рассмотрения представленной информации специальными комитетами, определением критериев ее анализа и оснований для отказа в сотрудничестве (заключении договора).

Мы же видим политически мотивированный кавалерийский наскок с массовой рассылкой писем с угрозой расторжения уже заключенных договоров и указанием на сроки представления контрагентами выписок из ЕГРЮЛ. К сожалению, приходится констатировать, что ни к каким результатам, кроме судебных дел о расторжении договоров с «нерасторопными» контрагентами, это не приведет.

Дмитрий Жданухин,

генеральный директор Центра
развития коллекторства и
гуманитарно-правовых технологий,
кандидат юридических наук,
Москва

http://pr_law.zakon.ru/

— Идея здравая, но реализация соответствует высказыванию покойного премьера Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». В практике взыскания корпоративных долгов мы столкнулись с вызывающими вопросы схемами использования офшоров структурами, связанными со Сбербанком. Возьмем долговую проблему сети «Мосмарт», контроль над которой получил крупнейший кредитор — Сбербанк — и передал решение проблемы, видимо, ООО «Сбербанк-капитал». Тут уже появилось некое ООО «Инвестиции и ресурсы» с кипрской компанией «Анафи Энтерпрайзес Лимитед» в участниках (сейчас вроде участник сменился — это «Ливертон Индастриз ИНК»). «Инвестиции и ресурсы» стали операционной компанией группы, с которой в рамках банкротства пытаются получить свои деньги больше сотни поставщиков.

При здоровой реализации инициативы по прозрачности бенефициаров усилились бы репутационные риски некоторых банков.

Одновременно большие сомнения вызывает предложение сообщить в министерства и Правительство в течение 10 дней о том, что у контрагента госкомпаний сменилась структура собственности.

Александр Латыев,

руководитель практики Агентства
юридической безопасности
«ИНТЕЛЛЕКТ-С», кандидат
юридических наук,
Москва
<http://smertch.zakon.ru/>

— Ну коль скоро этот документ исходит от органа исполнительной власти, то, полагаю, в данном случае можно говорить о нарушении запрета, установленного п. 2 ч. 1 ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции».

Если суммировать изложенное, то картина получается довольно безрадостная. Российское «правовое» государство становится все правее и правее. Да где же это, извините, видано, чтобы премьер-министр, глава исполнительной власти, — той самой, которая призвана ИСПОЛНЯТЬ законы, — призывал бы не к их исполнению, а к их нарушению?! В любой стране мира после этого подают в отставку, а у нас рассуждают о некой «неоднозначной реакции»! Она как раз вполне однозначная и понятная.

Александр Сергеев,

заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета СПбГУ экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, советник юридической фирмы *DLA Piper*

— Думаю, что меры по раскрытию бенефициарных владельцев контрагентов госкомпаний смогут в какой-то мере помочь в борьбе с коррупцией. Жаль только, что они больше похожи на предвыборный пиар, чем на юридически выверенный шаг в этом направлении. Для юриста очевидно, что эти меры, не говоря уже о расторжении контрактов с контрагентами, не пожелавшими раскрыть информацию о себе, не могут быть реализованы без серьезных нарушений действующего законодательства.

На мой взгляд, необходимо постепенно, но неуклонно вводить в различные отрасли российского законодательства согласованный комплекс мер, обеспечивающих прозрачность собственности. Конечно, одним только этим проблему коррупции не решить, поскольку тут по меньшей мере необходимы политическая воля, серьезная ревизия государственных функций и независимый суд. Но названные меры по крайней мере затруднят реализацию коррупционных схем и помогут решить некоторые другие задачи, в частности доведение ответственности до конечных владельцев бизнеса, которые в настоящее время с легкостью уходят от всякой личной юридической ответственности.

Впрочем, больших надежд на перемены в этом направлении в законодательстве и проводимой политике я не питаю. Последние годы приучили нас к тому, что реальная политика расходится с теми правильными словами, которые произносятся с высоких трибун.

Александр Хренов,

партнер юридической компании «Юков, Хренов и Партнеры»

— Первым чувством, которое возникло после ознакомления с текстом поручений Председателя Правительства, было ощущение его авральности и непроработанности.

Как иначе можно воспринимать, например, установление в п. 1 срока выполнения требования о представлении данных о доходах и обязательствах имущественного характера руководящего состава в отношении адресатов поручения до 30 декабря 2011 г.? И это притом, что сопроводительное письмо Аппарата Правительства к поручению Председателя Правительства датировано тем же 30 декабря. В результате после новогодних праздников аврал при подготовке поручения вызвал аврал в целых отраслях, где в процессе его судорожного исполнения был задействован неимоверный ресурс многочисленных служб и подразделений госкомпаний и их контрагентов.

Уверен, что выражу не только свое мнение в отношении «эффекта» выхода в свет такого рода распорядительных документов, если скажу: налицо подрыв авторитета правительственного аппарата, влекущий проблемы с повышением конкурентоспособности хозяйствующих субъектов с участием государственного капитала.

Что касается правовой оценки содержащихся в поручении требований о раскрытии структуры собственности контрагентов госкомпаний, то предлагаемые «санкции» за непредставление такого рода сведений не выдерживают никакой критики. Государство как собственник, конечно, может устанавливать критерии отбора контрагентов для компаний с госучастием. Вопрос лишь в том, являются ли вырабатываемые критерии необходимым и достаточным условием для эффективного взаимодействия этих самых госкомпаний со своими контрагентами. Но вот что касается расторжения действующих контрактов с теми контрагентами, которые в установленный срок не представили данных о структуре собственности и своих бенефициарах, то встает вопрос о том, как такого рода требование вообще могло пройти визу Правового департамента Правительства. Ведь ни для кого не секрет, что вопросы расторжения гражданско-правовых контрактов лежат исключительно в области гражданского законодательства. Гражданский кодекс никто не отменял, и суды вполне аргументированно встанут на защиту нарушенных прав контрагентов в случае прекращения с ними договорных отношений на основании требований поручения Председателя Правительства.

Таким образом, приходится констатировать, что и формальная, и содержательная части поручения вызывают поток критических замечаний заслуженно и не соответствуют благим целям, которым изначально было призвано служить обсуждаемое поручение.

Виктория Бурковская,

руководитель уголовно-правовой практики Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», доктор юридических наук

— Срок, обозначенный для поручения такого рода, на мой взгляд, довольно сжатый. Госкомпании взаимодействуют с большим количеством контрагентов, поэтому представить такой объем информации к первому апреля будет достаточно проблематично.

Также довольно спорным видится предложение в одностороннем порядке приостановить контракты с контрагентами, которые не представят запрашиваемую информацию. Так как в контрактах едва ли предусмотрено такое основание для приостановления, как нераскрытие информации о бенефициарах, это может повлечь за собой как ухудшение работы госкомпаний, так и увеличение количества исков в их адрес.

Обязанность собирать информацию по контрагентам так или иначе уже сформирована сложившейся судебной практикой по налоговым спорам. Зачастую компаниям приходится самостоятельно доказывать налоговым органам, что их контрагент — благонадежная компания, а не фирма-однодневка. Конечно, существует ряд сложностей, связанных со статусом госкомпаний и особенностями их регулирования. Но сам по себе подход обязывать госкорпорации

собирать информацию о своих контрагентах укладывается в общую канву развития нашей законодательной практики.

Данная норма широко используется и международными компаниями. Например, если российская фирма заключает договор на облуживание американской компании, то в соответствии с американским законодательством она обязана представить целый ряд сведений. Существуют международные стандарты заключения договоров с западными компаниями и для отечественных компаний, ориентированных на зарубежные рынки. Не соблюдать их — значит терять конкурентоспособность.

Григорий Чернышов,

партнер, руководитель практики разрешения споров юридической фирмы *White & Case*

— Думаю, что ответ на заданный вопрос можно дать в разных плоскостях.

Во-первых, как известно, субъект гражданского права может участвовать в обороте либо непосредственно, либо через учрежденные и контролируемые им организации. Но есть риск того, что эти учрежденные компании могут играть в свою игру в ущерб интересам собственника капитала. Очевидно, что каждый субъект гражданского оборота заинтересован в том, чтобы личность контрагента была ему известна. Ведь всегда нужно знать, с кем имеешь дело. А учрежденные собственником компании могут либо намеренно скрывать личность контрагента, либо маскировать за юридической личностью контрагента интерес менеджмента компании. Поэтому совершенно логично и понятно желание публичного собственника знать, с кем имеют дело учрежденные и контролируемые им юридические лица. Ведь частный собственник всегда знает или всегда может узнать, с кем имеют дело учрежденные им компании, почему же публичный собственник должен находиться в неведении по этому поводу? С этой точки зрения желание государства как собственника капитала госкомпаний знать, с кем в реальности эти госкомпании имеют дело, вполне справедливо, оправданно и является обычным желанием рачительного хозяина. Никакого нарушения закона здесь нет, поскольку каждый субъект гражданского оборота (а государство здесь не является исключением) вправе сам определять, на каких условиях он или учрежденные им компании будут вступать в гражданские правоотношения.

Во-вторых, о банальном воровстве менеджмента госкомпаний через учрежденные им частные компании уже написано и сказано столько, что добавить к этому уже вряд ли что-то можно.

Однако, в-третьих, нужно обратить внимание на следующий аспект проблемы: наверняка далеко не все заключенные госкомпаниями договоры предусматривают такое основание для расторжения, как нераскрытие бенефициаров контрагента, поэтому есть опасность нарушить закон, расторгая договоры либо вовсе без оснований, либо по основаниям, созданным искусственно. И то и другое плохо, так как пострадает гражданский оборот.

С другой стороны, раскрытие бенефициаров — это правило хорошего тона в бизнесе. Едва ли хоть одна более или менее серьезная сделка заключается «втемную». Поэтому нежелание контрагента раскрыть своих бенефициаров

в большинстве случаев будет проявлением недобросовестности участников оборота. Но далеко не все бенефициары хотят, чтобы информация о них стала широко известна (и связано это далеко не всегда с желанием уйти таким образом от соблюдения закона), поэтому ее раскрытие и доведение до сведения государственных органов может оказаться для контрагентов серьезной проблемой. Ведь вряд ли у них будет уверенность, что эти данные останутся в тайне, а не будут использоваться многочисленными чиновниками в своих интересах. А расторжение договора приведет к возникновению убытков, которых бы не было, если бы требование о раскрытии бенефициаров было известно до момента заключения договора, поскольку в этом случае такой договор попросту не был бы заключен. Вообще всегда плохо, когда правила игры меняются после ее начала. Справедливее было бы распространить требование о раскрытии бенефициаров только на новые договоры, заранее поставив об этом в известность участников оборота.

Также хотелось бы, чтобы реализовывалась эта в целом правильная идея нормально. Сейчас же приходится слышать, что госкомпании требуют паспортные данные, место жительства, ИНН бенефициаров, что является нарушением законодательства о защите персональных данных. Наверное, лучше было бы подойти к раскрытию бенефициаров менее формально.

Мне даже рассказывали, что госкомпания потребовала раскрыть бенефициаров Росимущества! Я уже не говорю о том, что одни и те же сведения сейчас требуют госкомпании и их дочерние общества, что явно излишне. Учитывая количество госкомпаний, некоторые предприятия вынуждены выделять значительное количество сотрудников только для ответов на многочисленные запросы.

Завершая, подведем итог: если реализация предложенной меры обойдется без нарушения закона при расторжении уже заключенных договоров, то едва ли можно найти какие-нибудь минусы предложения о раскрытии бенефициаров, поскольку любой рачительный хозяин хочет знать, с кем он имеет дело.

Илья Ищук,

адвокат, партнер Адвокатского бюро «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры», кандидат юридических наук

— Вообще, требования по раскрытию подобной информации вполне соответствуют международным стандартам борьбы с конфликтом интересов, причем не только в компаниях с государственным участием, но и в полностью частных компаниях. В том или ином виде подобная практика существует и в США, и в странах Европы. Поэтому в самой инициативе я не вижу ничего противозаконного или не соответствующего интересам развития бизнеса.

В то же время, как и в некоторых других случаях, вызывает сомнения способ, которым эта инициатива воплощена в жизнь в России. Представляется, что система раскрытия такой информации должна быть максимально прозрачна и понятна тем субъектам, на которых распространяются ее требования. При этом, полагаю, сам порядок должен быть детально урегулирован и не должен противоречить сложившейся деловой практике и нормам гражданского законодательства.

В рассматриваемом же случае налицо как минимум одно противоречие, наличие которого отмечают многие эксперты: неясно, по каким гражданско-правовым основаниям госкомпания должны расторгать уже действующие контракты с теми, кто не раскрыл своих бенефициаров. Какие бы юридические конструкции ни придумывались сейчас, уже по факту вступления в силу распоряжения Правительства очевидно, что действующее законодательство прямого ответа на этот вопрос не содержит. Такая ситуация, во-первых, является стимулом для исключительно формального исполнения требований по раскрытию информации, во-вторых, может повлечь за собой возникновение значительного количества конфликтов, потенциально трансформирующихся в судебные споры.

Кроме того, вызывает сомнение и достаточная эффективность такой меры. Она будет действительна лишь в отношении тех случаев, когда конфликт интересов очевиден. Однако, вероятнее всего, таких случаев немного. Реальные бенефициары зачастую могут скрываться за формальными владельцами бизнеса, между которыми отсутствует очевидная связь.

Таким образом, я опасаясь, что хорошая и в целом правильная идея может не дать того эффекта, которого от нее ожидают.

Евгения Зусман,

старший юрист-аналитик
практики ГЧП и инфраструктуры
юридической фирмы «Вегас-Лекс»

— Предновогоднее поручение премьер-министра внесло суматоху в работу госкомпаний. Большинство из них намерено исполнить поручение премьера буквально, предпринимая меры от массовых рассылок требований о предоставлении информации о конечных бенефициарах контрагентам, внесения корректив в закупочные регламенты, обращений за разъяснениями в профильные министерства и вплоть до идеи приравнять поручение к форс-мажору.

Но вызывает вопросы даже не столько техническая сторона поручения и сроки, сколько само его содержание. На наш взгляд, внедряемые меры по борьбе с коррупцией нелегитимны. Выполнение поручения может повлечь нарушения законодательства о защите персональных данных, о защите конкуренции и даже ГК РФ, не предусматривающего возможность одностороннего расторжения договора без решения суда и без существенного нарушения договора другой стороной (ст. 450 ГК РФ). При этом в ближайшее время под угрозу могут быть поставлены многие заключенные с госкомпаниями контракты. Выход из сложившейся ситуации — как минимум законодательное закрепление адекватных механизмов повышения прозрачности деятельности госкомпаний, включая определение четких критериев раскрытия информации, определение круга лиц, на которых распространяются эти меры, и т.п. В противном случае при попытке расторжения договоров по инициативе госкомпаний высок риск судебных разбирательств вплоть до коллективных исков.

Сергей Крохалев,

юрист московского офиса международной юридической фирмы *Baker & McKenzie*, кандидат юридических наук

— В связи с обсуждаемым поручением Правительства РФ можно отметить следующее. Прежде всего, ясно, что стремление государства сделать более прозрачной структуру собственности российского бизнеса будет последовательно претворяться в жизнь. Давление со стороны государства в этом направлении, скорее всего, будет только усиливаться. В частности, в данный момент активно обсуждается включение в проект изменений в Гражданский кодекс норм, направленных на раскрытие бенефициаров офшорных компаний. Эту тенденцию юристам в любом случае следует иметь в виду при структурировании бизнес-проектов.

Поскольку поручение Правительства РФ адресовано лишь обозначенным в нем государственным органам и компаниям, с правовой точки зрения оно не накладывает каких-либо обязательств на их контрагентов. Поэтому если обязательство представлять информацию о всей цепочке собственников, включая бенефициаров, не было предусмотрено договором, заключенным между соответствующей компанией и ее контрагентом, то невыполнение контрагентом требования о представлении информации о своих собственниках и бенефициарах не будет являться нарушением закона или договора.

На практике многие контрагенты, вероятнее всего, добровольно пойдут на представление запрошенной информации, опасаясь, что с ними прекратят сотрудничество в будущем (не будут размещать заказы на их услуги и пр.). Конечно, это не касается услуг, которые компании-монополисты обязаны оказывать всем обратившимся к ним лицам, а судя по публикациям в прессе, Правительство уже разъяснило, что требование о раскрытии собственников и бенефициаров не касается клиентов компаний.

Надежда Быковцева,

юрист адвокатского бюро «Линия права»

— Распоряжение Правительства формально противоречит целому ряду правовых норм.

Во-первых, у госкомпаний нет законных оснований требовать раскрытия информации о бенефициарах от своих контрагентов. Эта информация может быть представлена только в добровольном порядке. Соответственно, какие-либо санкции за ее непредставление применяться не могут.

Во-вторых, с точки зрения гражданского регулирования расторжение договора в одностороннем порядке допускается лишь в ограниченном числе случаев (например, при существенном нарушении договора либо существенном изменении обстоятельств). Если договор не содержит положений о возможности одностороннего отказа от его исполнения, то его расторжение возможно только с согласия контрагента. Поэтому даже если госкомпании предпримут попытки прекратить договорные отношения с лицами, не пожелавшими раскрыть своих бенефициаров, последние имеют все шансы на удовлетворение требований о принудительном исполнении договора и взыскании убытков в судебном порядке.

В случаях, когда госкомпании обязаны заключить договор (например, при выставлении публичной оферты), требование о раскрытии информации о бене-

фициарах как условие заключения договора также не будет работать. Более того, учитывая, что существенная часть госкомпаний — монополисты, заключение договора на таких условиях может быть расценено как злоупотребление доминирующим положением.

Поэтому пока требования по раскрытию бенефициаров не будут закреплены на уровне закона, их исполнение возможно только при условии достижения договоренности с контрагентами госкомпаний.

Филипп Дубовик,

старший юрист
компания *Ernst & Young*

— Выпущенные 28 декабря 2011 г. поручения Председателя Правительства РФ государственным корпорациям, акционерным обществам с государственным участием и органам исполнительной власти о контроле за представлением информации об акционерах и конечных бенефициарах вызвали оживленную дискуссию среди предпринимателей и юридического сообщества. Большинство склоняется к тому, что они «носят политический характер», «противоречат федеральному законодательству», «составлены в правовой форме, не предусмотренной законом», и т.п.

Оставляя за рамками возможный политический контекст поручений и эмоциональную реакцию, обратим внимание на их юридическую сторону.

Почему поручения правомерны по форме?

Многие юристы критиковали форму данного акта — «поручение». Во многом это объясняется тем, что с ней редко встречаются на практике. Кроме того, с университетских времен юристам известно, что Правительство издает правовые акты в форме постановлений и распоряжений. Между тем даже в самом ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» есть целый ряд упоминаний о поручениях, которые выдаются Председателем Правительства и его заместителями. Кроме того, в Российской Федерации действует специальный порядок исполнения таких поручений органами государственной власти (см., напр., Постановление Правительства от 01.06.2004 № 260). Поручения упоминаются в типовых регламентах внутренней организации федеральных органов власти и т.п. Таким образом, утверждать, что такая форма правового акта не предусмотрена российским законодательством, неверно.

Правомерны ли исследуемые поручения по содержанию?

Для ответа на этот вопрос следует сначала разобраться с тем, насколько обсуждаемый акт обязателен для его адресатов. Как следует из текста поручения, оно адресовано органам федеральной исполнительной власти и ряду организаций. Что касается органов исполнительной власти, то для них оно обязательно по уже указанным выше основаниям.

Кроме них поручение адресовано организациям с государственным участием, в первую очередь акционерным обществам. В этой части поручение содержит требование о представлении определенных документов и о внесении

изменений во внутренние документы организаций. В зависимости от общества полномочия акционера-государства могут реализовываться отдельными органами исполнительной власти (Росимущество, подведомственное Минэкономразвития, адресат поручения), Правительством РФ и даже иногда Председателем Правительства РФ. Таким образом, в любом случае, непосредственно или опосредованно (в частности, через то же Росимущество, для которого поручения обязательны), Председатель Правительства РФ может реализовать соответствующие полномочия акционера общества.

Применительно к акционерным обществам законом (ст. 89—91 ФЗ «Об акционерных обществах») предусмотрено, что акционер имеет право требовать доступа к документам общества, которые оно обязано хранить. В числе таких документов «иные документы... предусмотренные правовыми актами Российской Федерации». Являясь, как было указано, соответствующим правовым актом, поручение Председателя Правительства РФ как раз юридически предусматривает и соответствующие документы, и обязанность акционерных обществ, прямо в нем указанных, представить акционеру (государству) такую информацию. Соответственно, в этой части указанные требования могут рассматриваться как правомерные.

При этом, обсуждая обязанности, устанавливаемые поручением, отметим, что оно как таковое не требует от кого бы то ни было нарушать закон при получении каких-либо документов либо информации. Толкование акта прежде всего должно исходить из того, что требования, содержащиеся в нем, являются правомерными, и, только если такое толкование невозможно, мы должны заключить, что акт содержит неправомерные требования. К примеру, фразы типа «обеспечить безусловное раскрытие контрагентами... информации» не должны толковаться как требующие нарушать закон, но должны — как требующие принять все возможные меры в рамках закона (например, прийти к соглашению с другой стороной / всеми заинтересованными лицами о таком представлении, выплатить вознаграждение за представляемую информацию и т.п.).

Фактически поручение указывает лишь на то, что обязанный должен не получить такую информацию, а «обеспечить» такое получение, совершив любые законные и необходимые для этого действия.

Что касается требований о внесении изменений во внутренние акты общества, акционеры (тем более единственные) соответствующие изменения юридически принимать вправе и, в крайнем случае, вправе принять отдельный внутренний акт общества. Соответственно, в этом отношении поручение Председателя Правительства РФ также в полной мере соответствует требованиям законодательства и является обязательным для выполнения как органами исполнительной власти, которые могут в полной мере соблюсти процедуру реализации таких полномочий акционера, так и компаниями, мажоритарным или единственным акционером которых выступает Российская Федерация.

Вместе с тем, несмотря на законность указанного поручения, важно, чтобы его исполнение органами власти и соответствующими организациями также было в полной мере законным и правомерным.

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

Мерген Дораев,

партнер юридической фирмы
«Егоров, Кряжевских и партнеры»,
Москва

<http://mergen.zakon.ru/>

— Подобная процедура, известная под названием *KYC*, или *Know Your Client*, давно применяется западными консультантами и финансовыми институтами для борьбы с отмыванием преступных доходов, финансированием террористической деятельности и т.д. Но важно понимать, что речь должна идти о методологически продуманной системе с процедурой рассмотрения представленной информации специальными комитетами, определением критериев ее анализа и оснований для отказа в сотрудничестве (заключении договора).

Мы же видим политически мотивированный кавалерийский наскок с массовой рассылкой писем с угрозой расторжения уже заключенных договоров и указанием на сроки представления контрагентами выписок из ЕГРЮЛ. К сожалению, приходится констатировать, что ни к каким результатам, кроме судебных дел о расторжении договоров с «нерасторопными» контрагентами, это не приведет.

Дмитрий Жданухин,

генеральный директор Центра
развития коллекторства и
гуманитарно-правовых технологий,
кандидат юридических наук,
Москва

http://pr_law.zakon.ru/

— Идея здравая, но реализация соответствует высказыванию покойного премьера Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». В практике взыскания корпоративных долгов мы столкнулись с вызывающими вопросы схемами использования офшоров структурами, связанными со Сбербанком. Возьмем долговую проблему сети «Мосмарт», контроль над которой получил крупнейший кредитор — Сбербанк — и передал решение проблемы, видимо, ООО «Сбербанк-капитал». Тут уже появилось некое ООО «Инвестиции и ресурсы» с кипрской компанией «Анафи Энтерпрайзес Лимитед» в участниках (сейчас вроде участник сменился — это «Ливертон Индастриз ИНК»). «Инвестиции и ресурсы» стали операционной компанией группы, с которой в рамках банкротства пытаются получить свои деньги больше сотни поставщиков.

При здоровой реализации инициативы по прозрачности бенефициаров усилились бы репутационные риски некоторых банков.

Одновременно большие сомнения вызывает предложение сообщить в министерства и Правительство в течение 10 дней о том, что у контрагента госкомпаний сменилась структура собственности.

Александр Латыев,

руководитель практики Агентства
юридической безопасности
«ИНТЕЛЛЕКТ-С», кандидат
юридических наук,
Москва
<http://smertch.zakon.ru/>

— Ну коль скоро этот документ исходит от органа исполнительной власти, то, полагаю, в данном случае можно говорить о нарушении запрета, установленного п. 2 ч. 1 ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции».